

Аверкиев И.В.

Как выглядят права человека в России и в мире

- Постсоветская правозащита: попытка стороннего взгляда
- «ООНовский проект прав человека» - зачем он?

ПОСТСОВЕТСКАЯ ПРАВОЗАЩИТА: ПОПЫТКА СТОРОННЕГО ВЗГЛЯДА

Когда после многих лет, проведенных в кругу правозащитников и в правозащитных занятиях, пытаешься понять, что происходит с правами человека в России - объем личных впечатлений подавляет любые попытки логического самоопределения в теме. Любая проблема при развертывании обнажает навязчивую личную заинтересованность. Накопленной информации всегда оказывается слишком много для поисков смысла. В этом необъятном месиве из фактов и оценок на каждый тезис всегда найдется антитезис, ни один факт ничего не доказывает, поскольку всегда обнаружится факт, доказывающий обратное. Дурная гуманитарная диалектика значимости любых усилий разъедает любые оценки и самих усилий, и их результатов. В итоге всех этих мучений обретаешь болезненное стремление к простоте. Хочется очистить сознание непредвзятостью, хочется обрести ясность и мудрость наивного взгляда. Но биография всегда сильнее подобных желаний, поэтому «ясный наивный взгляд» проще симулировать, чем обрести.

Итак, что лежит на поверхности, что кажется очевидным, когда пытаешься рассказать иностранцу или инопланетянину о бытовании прав человека в России.

1.

СЛОВА «ПРАВА ЧЕЛОВЕКА» В РОССИИ ОЧЕНЬ ПОПУЛЯРНЫ. «Права человека» в России – это, прежде всего, аргумент. Популярный аргумент в значимых для людей спорах вокруг проблем справедливости, благосостояния, отношения к власти. В этом качестве «права человека» прочно вошли и в обиходную речь, и в политический дискурс. Решая те или

иные свои проблемы, связанные с правом или с властью, миллионы россиян считают принятым и полезным сослаться на «права человека».

С одной стороны, «права человека» предстают своего рода модной идеологической маркировкой, фиксирующей факт несправедливости, как считается на языке, понятном для власти.¹ Как бы иногда ни взбрыкивала российская власть по поводу «прав человека», но «правочеловечный язык» стал универсальным «социальным языком» постсоветской России. «Правами человека» заинтересованные граждане в состоянии описать любые социальные блага и любые социальные проблемы.

С другой стороны, отношение к «правам человека» в России в значительной степени иррационально, для многих почти мистично: не имея четкого представления о самих «правах человека», люди верят в силу этих двух слов. В этом случае словосочетание «права человека» выступает в роли своего рода народного заклинания, оберега от «государственной порчи», универсальной мистической отмычки к государственным дверям в справедливость.

Так или иначе, у большинства граждан России отношение к словосочетанию «права человека», как минимум, позитивно. При этом многие наблюдатели считают, что позитивное отношение к удобным в социальном быту словам означает и позитивное отношение к стоящим за ними ценностям. Но каковы тогда эти ценности?

Когда старушка, ссылаясь на «права человека», просит в правозащитной приемной, чтобы ей помогли выселить из квартиры сына-алкоголика, что она понимает под «правами человека»? Ее представления о «правах человека» такие же, как у Сергея Ковалева, или такие же, как у Патриарха Алексия II, или такие же, как у Александра Проханова, или вообще свои собственные?

По тому, кто, как и в каких случаях употребляет словосочетание «права человека» можно предположить, что в значительной части случаев мы имеем дело всего лишь со спекулятивной лексической конструкцией. Обыденное употребление слов «права человека» для многих жителей России не связано с глубинными ценностными архетипами. «Права человека» в российской обыденной речи скорее продукт некой социальной мистификации, этакий идеологический лубок, в котором образы либеральной пропаганды российская публика приспособила к нуждам повседневного выживания.²

¹ Так раньше, в Советском союзе в ходу была «коммунистическая маркировка» проблем справедливости. Хочешь вызвать у власти сочувствие - сформулируй свою проблему на языке «партии и правительства», «исторических решений» последнего съезда. Сейчас то же самое, примерно с тем же успехом, но на языке «прав человека».

² Можно и так: «права человека» в России – это популярный инструмент народного PRа народных бед для забывшей о народе власти.

2.

«ПРАВА ЧЕЛОВЕКА» В РОССИИ СТАЛИ СОСТАВНОЙ ЧАСТЬЮ ОФИЦИАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ ПОСТСОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА. Как бы ни относились к «правам человека» конкретные президенты, губернаторы и мэры, но они вынуждены на них ссылаться, к ним апеллировать, их учитывать и в политической риторике, и в административной практике (другое дело, как оценивать это «учитывание»). Наиболее активно используют «права человека» публичные партийные политики – как правые, так и левые. Для них ссылка на «права человека» – это один из привычных и широко используемых политических аргументов.

В бюрократическом классе России говорить о «правах человека» уже также считается приличным, но только на публике. При этом, пока редко у кого из чиновников это получается органично, у большинства – как мат из уст библиотекаря. Исключение составляют новые, как правило, молодые, ориентированные на западную бюрократическую культуру чиновники – для них «права человека» естественный «идеологический дресс-код». Однако в узком кругу корпоративного общения для большинства российских политиков и бюрократов правозащитная риторика все еще – явный моветон. «Права человека» в лексиконе российской политической элиты и бюрократии – термин для внешнего употребления.

3.

СОВЕРШЕННО НЕ ПОНЯТНО, ЧТО В РОССИИ ПОНИМАЮТ ПОД «ПРАВАМИ ЧЕЛОВЕКА». По тому, как и в каких ситуациях люди употребляют словосочетание «права человека», ясно лишь, что вкладываемый в него смысл либо чрезмерно, до бессмысленности, широк, либо столь же чрезмерно акцентуализирован, ангажирован иными ценностями и интересами.

Для одних российских граждан «права человека» – это любые права («все мои права – это права человека») или любые «юридические права» («любые права, записанные в законах»). Для других – это те права, что зафиксированы во Всеобщей декларации прав человека, права, которые пришли к нам вместе с демократией после «освобождения от тоталитарного ига». Одни связывают права человека исключительно с произволом государства, другие – с любым произволом, под которым нередко понимается «любая деятельность, не соответствующая моим интересам». По «правозащитному поведению» одних становится ясно, что под «правами человека» они понимают некоторые моральные возможности для продвижения личной свободы и поддержания человеческого достоинства. «Правозащитное же поведение» других с очевидностью указывает на то, что «правами человека» они оформляют любые свои интересы. Многие жители страны «права человека» воспринимают как социальные возможности – основание требовать от государства материальной поддержки как по гуманитарным мотивам (инвалид, сирота, одинокий старик), так и по

социальным (бедный, безработный, необразованный). Другие жители страны (в основном люди антикапиталистических убеждений и демо-романтических настроений) «права человека» воспринимают исключительно как идеологическое основание политического протеста. В этом случае «права человека» предстают как «совокупная норма», суть которой - в запрете государственного произвола, притом, что под государством понимается конкретный политический режим, а под произволом – любая деятельность этого режима, не соответствующая политическим взглядам носителя прав.

Одним словом, представления россиян о «правах человека» могут отличаться друг от друга по субъекту, объекту, предмету, объему и источнику этих прав. Однако многие обыденные представления и настроения по поводу «прав человека» можно объединить следующей фразой: «права человека – это некие обязательства государства, которые позволяют человеку требовать от государства лучшей жизни». Если копнуть еще глубже, в спальных районах мегаполисов и в малых городах России, то может получиться и так: «права человека – это правила, введенные чем-то, что очень наверху: то ли Конституцией, то ли ООН, то ли богом (главное, не конкретными людьми), и эти правила за все хорошее для человека и против всего плохого».

В кругу российских «социогуманитарных мыслителей» «права человека» предстают в облике многочисленных авторских модификаций. Среди представителей либерально-демократического стана эти модификации традиционно, но зачастую формально, отсылочно, основываются на «ООНовской парадигме» прав человека. Несмотря на единый источник, личные концепции «прав человека» представителей этого умонастроения могут существенно отличаться друг от друга. Прежде всего, эти отличия проявляются в отношении к социальным и коллективным правам и в определении «институционального врага» прав человека (государство или шире – любая публичная власть). Характерная черта этих модификаций – страх перед определением «прав человека», тщательный обход дефиниций.

В последние несколько лет небольшое число национально ориентированных «социогуманитарных мыслителей» естественным образом пытаются сформулировать национальную парадигму «прав человека». В самом известном варианте попытки эти были озвучены митрополитом Кириллом на X (Десятом) Всемирном русском народном соборе.

Однако битва за смысл словосочетания «права человека» идет лишь в интеллектуальных верхах российской общественности. Представления же о «правах человека» подавляющего большинства общественных и политических деятелей и активистов мало отличаются от обыденных. Их личное отношение к «правам человека», как правило, не выходит за рамки формально-ритуального употребления термина в зависимости от той или иной политической или общественной okazji.

В конечном счете, несмотря на кажущуюся очевидность смысла «прав человека», в российском общественном мнении общепринятого понимания этих слов мы не обнаружим: ни на просвещенной поверхности, ни в

глубинах народной жизни – везде смысловая протоплазма: что называется, общенациональный концепт «прав человека» в России еще явно не сложился. Однако активность и настойчивость российского населения в употреблении этого термина, сама динамика интерпретаций, говорит о том, что нация находится в активном поиске адекватного для себя смысла «прав человека» и удобной для него лексической упаковки.

4.

В РОССИИ ОЧЕНЬ ТРУДНО ОЦЕНИТЬ СИТУАЦИЮ С «ПРАВАМИ ЧЕЛОВЕКА». Очень трудно оценить степень их соблюдаемости и масштаб нарушаемости. Если в обществе отсутствует общепринятое, консенсусное представление о «правах человека», то, естественно, нет и общепринятого представления о том, что есть нарушение «прав человека».³ В современной России отсутствует всем понятная и для большинства приемлемая система моральной оценки «правочеловечности» общества и государства.

«Правозащитники» могут считать, что, избивая подсудимых, сотрудники правоохранительных органов «применяют пытки» и массово нарушают «права человека». С точки зрения западной, ООНовской парадигмы «прав человека», где любое насилие, применяемое государственным должностным лицом в интересах получения признательных показаний – есть пытка, они, безусловно, правы. Но, с точки зрения российского обывателя, избивание обвиняемого в преступлении с целью добиться от него признания – это не пытка. Для многих граждан нашей страны бить (руками или резиновыми дубинками без применения изуверских инструментов) пойманного вора или хулигана, может быть, и нехорошо, но к пытке это не имеет никакого отношения. Пыткой в отношении задержанного, подсудимого, заключенного и любого другого человека, скорее будет считаться не просто «заинтересованное государственное насилие», а насилие изуверское, садистское. Слово «пытка» в современной России обозначает акт изуверской жестокости, безотносительно к тому, кто и в каких интересах его осуществляет: маньяк ради удовольствия или следователь, чтобы закрыть дело. Поэтому, когда «правозащитники», рассказывая об обычном (неизуверском) избивании милиционерами задержанных или подсудимых, говорят о «пытках» – широкая публика недоумевает и относится к таким высказываниям, как к «передергиванию», «нагнетанию», в лучшем случае, как к непониманию «правозащитниками» того, «как устроена жизнь».

И наоборот. Судя по тому, как часто и с каким гражданским жаром произносилось словосочетание «права человека» во время «монетизационных бунтов» и недавних митингов за повышение пенсий – для значительной части населения именно низкий размер государственных пенсий, пособий и льгот является наиболее вопиющим и массовым видом нарушения «прав человека». Однако для правозащитника, осознанно опирающегося на Всеобщую декларацию прав человека, конкретный размер пенсии и форма льгот причинно-следственно никак не связаны с правом человека на

³ Либо опять-таки придется признать, что «нарушение прав» – это все плохое, что делается в России, а «соблюдение прав» – это все хорошее.

социальное обеспечение, так как, с точки зрения все той же ООНовской парадигмы прав человека, размер и форма государственной социальной помощи есть, прежде всего, вопрос экономических возможностей государства, демократического лоббирования соответствующих интересов, традиций и компетентности государственного управления и не может решаться исключительно на основе желания тех или иных граждан улучшить свое материальное положение за государственный счет.

Говоря о ситуации с «правами человека» в России, только в одном можно рассчитывать на общенациональное согласие: подавляющее большинство граждан нашей страны будут солидарны в том, что в России «права человека» нарушаются всегда, всюду, в массовом масштабе и в особо циничной форме. Но это согласие скорее из области представлений о странностях русского национального характера, о «загадочной русской душе», для которой наяву нормальной жизни не бывает – только плохая или очень плохая.

5.

НЕ ПОНЯТНО, КОГО В РОССИИ НАЗЫВАЮТ ПРАВОЗАЩИТНИКАМИ. В первой половине 90-х с этим не было проблем. Словом «правозащитник» просто массово стали называть тех, кого раньше называли «диссидентами», и тех, кто к ним присоединился в перестроечное время. Таким образом, в актуальном общественном лексиконе была преодолена странная ситуация, когда «диссидентами» (инакомыслящими) приходилось бы называть апологетов нового правящего режима – постсоветского, формально демократического.

Что касается сегодняшних «правозащитников», то они и в самом деле, чем дальше, тем больше становятся «так называемыми» – кого только в России не называют «правозащитниками», какие только ключевые компетенции не скрываются под этим именем. Миссия, качественная определенность этого рода деятельности растворяются в российской неопределенности его предмета.

Сегодня в массовом употреблении слова «правозащитник» сталкиваются две, фактически противоположные друг другу, «смысловые тенденции». Первая тенденция, пока явно доминирующая в публичном пространстве, фиксирует плавное перетекание антитоталитарного пафоса слова «правозащитник» в пафос антигосударственный и даже антироссийский. Крайнее проявление этой «смысловой тенденции» можно сформулировать так: «правозащитник» – это антигосударственник, непатриот, защищающий «врагов России»: преступников, террористов, чеченцев, шпионов, олигархов, «черных». Существуют, конечно, и более политкорректные вариации, но того же, по сути, смысла. Носителями этих представлений являются не только чиновники, официозные журналисты и националисты, как раньше говорили, «всех мастей», но и вполне широкие слои населения. Эти представления и оценки, как правило, адресованы тем, кого можно назвать «профессиональными правозащитниками».

«Профессиональные правозащитники» исторически вышли из диссидентства,⁴ они, как правило, являются членами специализированных правозащитных организаций; формально привержены ООНовской парадигме прав человека; защищая права человека, опираются, прежде всего, на международное право и поддержку европейских и международных политических и гуманитарных структур; стилистически и тематически ориентируются на западную гражданскую и политическую культуру. Среди «профессиональных правозащитников» есть и профессионалы в узком смысле слова, т.е. люди, получающие основной доход от деятельности, связанной с «правами человека», есть и те, кто ближе к статусу «общественника» (таковых, однако, немного). Главное, что и те, и другие считают «права человека» своей ключевой компетенцией.

Причина несовпадения «профессиональных правозащитников» с российским большинством – очевидна. Следуя западной традиции последних нескольких десятилетий, «профессиональные правозащитники» и в России сконцентрировали свои усилия на защите прав маргинальных меньшинств (заключенных, дезертиров,⁵ незаконных мигрантов, бездомных, наркоманов и др.⁶). Кроме того, значительное место в деятельности «традиционных правозащитников» занимает защита «новых диссидентов» (чеченских сепаратистов, ученых, обвиняемых в шпионаже, опальных олигархов и др.). Такая специфика правозащитной деятельности, да еще «во всей красе» представленная обществу прорежимными СМИ, естественным образом привела значительную часть российских граждан в недоумение и раздражение. Причина проста: в нетолерантной и неполиткорректной России к маргинальным меньшинствам и «новым диссидентам» большинство населения относится естественно, то есть плохо (не буду здесь вдаваться в подробности причин и оценок), и искренне не понимает, почему те и другие нуждаются в какой-то специальной защите: «ведь они либо враги страны, либо, в отличие от нормальных людей, бесполезны для нее». Обычного, в меру законопослушного, российского гражданина естественным образом раздражает, почему «правозащитники» защищают «бог весть кого», а его не защищают. Ведь у него не меньше проблем с правами, он тоже подвергается унижению со стороны всякой власти, он тоже вечная жертва государственного и всякого прочего произвола. «Правозащитники» как бы предали «простого человека»: «их поставили защищать наши права, а они защищают права всяких...».

⁴ В рядах «профессиональных правозащитников» немного осталось людей с личным диссидентским прошлым, но все «профессиональные правозащитники», так или иначе, считают себя приемниками советских диссидентов, в этом смысле их можно считать традиционными для России правозащитниками.

⁵ «Солдатские матери» с их отношением к половозрелым призывникам как к «мальчикам», а к солдатам, самовольно покинувшим часть, как к «бегункам» – не столько гражданский, сколько сугубо гендерный феномен, замешанный на материнском инстинкте. В этом смысле их сострадательное отношение к дезертирам мало влияет («матери есть матери») на доминирующие общественные настроения, по-прежнему мужские в своей основе.

⁶ Речь идет именно о маргинальных меньшинствах, т.е. о социальных группах, вытесненных на самые дальние обочины социума и ведущих, вынужденно или по выбору, асоциальный образ жизни. Маргинальные меньшинства – не любые меньшинства. К ним, например, не относятся ни национальные, ни религиозные, ни политические меньшинства как таковые, вполне социализированные и интегрированные в общество.

Сами «профессиональные правозащитники», безусловно, чувствуют это несовпадение с народом.⁷ Кто-то гасит проблему в бравате правозащитной миссией – саморожденной и самоценной, не зависящей ни от чьего мнения. Кто-то находит замещение в «левозащите» и с головой погружается в «социалку». Кто-то обретает успокоение в антирежимной риторике. Но, так или иначе, в последние несколько лет в среде «традиционных правозащитников», особенно в молодой ее части, появилась своего рода мода на отказ от слова «правозащитник» в качестве самоназвания. Стало принято говорить: «Что вы, какой я правозащитник, я просто менеджер в гражданской организации (юрист, эксперт, журналист)».

Другой, явно зачаточный, «смысловой конгломерат» клубится вокруг представления о «правозащитнике» как о «народном заступнике», человеке, несущем во власть «слово правды о народных бедах». Публично озвучивают эти представления «новые активные люди»: чиновники, журналисты, гражданские активисты, относительно недавно вышедшие на арену публичной жизни и не обремененные в своей лексике советскими и постсоветскими смыслами. «Правозащитниками» они могут назвать и организаторов антимонетизационных бунтов, и защитников придомовых территорий от уплотнительной застройки, и ветеранов, добывающихся открытия бесплатных туалетов на вокзалах. В том же направлении «народного заступника» стихийно развивается и новый для России институт «уполномоченного по правам человека». По-своему, но именно этот «правозащитный имидж» продвигает и путинская Общественная палата.

Обе тенденции вопиюще противоположны. Упрощая, можно сказать, что «правозащитником» могут назвать и того, кто защищает «своих» (народ), и того, кто защищает «чужих» («врагов народа»). Для одних россиян «правозащитники» – это те, кто против государства-страны, для других «правозащитники» – это «те, кто за людей». Одни считают, что «правозащитники» занимаются политикой, другие, наоборот, видят в них единственных неполитиков в толпе любителей защищать народ. Очень опосредованно, но в этих разных «смысловых настроениях» фиксируется нечто «старое» и «новое» в российской правозащите. Термин «правозащитник», деградируя в уходящей постсоветской действительности, одновременно оживает на свежей почве низового «новороссийского» активизма, оторванного от советских корней и менее зависимого от влияния западной гражданской культуры. Объединяет эти противоположные представления о «правозащитниках» лишь то, что они в равной степени мало похожи на общепринятые на Западе представления о людях, защищающих «права человека», как о добропорядочной системной фронде.

⁷ Почему так и хочется закавычить слово «народ»? Потому что оно осмеяно социологами как бессодержательная абстракция? Потому что оно слишком «левое», обременено архаичными спекулятивными смыслами? Потому что замусолено, обслонявлено популистами все тех же «всех мастей»? А жаль. Уж очень емкое и удобное слово. Когда всуе, не для публики, люди произносят слово «народ», ясно, что подразумеваются не все жители страны, а все **обычные, простые, средние** жители страны. «Народ» чувствуется народом как сообщество обывателей. Обыватели они, конечно, очень разные, но они **едины в своем отношении к власти, стране и миру**. Обыватели – соль и ядро страны, они производят ее идентичность. Они – народ. Правда, «народ» при таком понимании лишается сакральности и непогрешимости.

Не следует забывать и о тех десятках миллионов жителей России, в актуальном лексиконе которых слово «правозащитник» просто отсутствует, а при столкновении с ним в быту вызывает реакцию от недоумения до смущения.

6.

РОССИЙСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ, РОССИЙСКИХ ПРАВОЗАЩИТНИКОВ И РОССИЙСКУЮ ВЛАСТЬ ЗАБОТЯТ РАЗНЫЕ «ПРАВА ЧЕЛОВЕКА». Их «правозащитные повестки» практически не соприкасаются, каждый из этих мега-акторов ведет свою «правозащитную жизнь».

Российскую власть официально заботят исключительно «права соотечественников за рубежом» и прочие возможности сформулировать свои претензии к внешнему миру на языке «прав человека». Во всем остальном – глухая безынициативная самооборона от симметричных претензий внешнего мира. В реальной внутривластной повестке нарушение или соблюдение тех или иных «прав человека» ни как проблема, ни как программа, ни как национальный проект не числятся. Внутри страны «права человека» актуальны для российской власти лишь как составная часть популистской риторики.

«Профессиональные правозащитники», как уже говорилось, сосредоточили свои усилия на защите прав человека применительно к отдельным меньшинствам и «новым диссидентам». В последние несколько лет наиболее обсуждаемыми темами внутри «традиционного правозащитного сообщества» были: нарушения прав человека в Чечне, введение в России альтернативной гражданской службы, шпионские процессы над учеными, «дело Ходорковского», пытки и жестокое обращение в деятельности правоохранительных органов, националистический террор.

Ни властные, ни «профессионально-правозащитные» атаки на нарушения «прав человека» не находят практически никакого отклика в широких слоях российского населения. В лучшем случае злободневные для власти или «традиционных правозащитников» правозащитные темы порождают мимолетные дискуссии в отдельных секторах российского интернет-сообщества. Народная же правозащитная риторика традиционно возникает почти исключительно в зоне несоответствия социально-защитной политики государства социально-защитным ожиданиям населения. Наиболее известные поводы массового использования правозащитной риторики в последние несколько лет: монетизационная реформа системы льгот и повышение цен на коммунальные услуги.

7.

В РОССИИ МАССОВАЯ ПРАВООЗАЩИТНАЯ РИТОРИКА НЕ СОПРОВОЖДАЕТСЯ МАССОВОЙ ПРАВООЗАЩИТНОЙ ПРАКТИКОЙ. **Практическая** защита того, что в России **называют** «правами человека» явно не имеет народного измерения и почти исключительно является узкоспециализированной, фактически профессиональной деятельностью. Это особенно верно, если говорить о «правах человека» в рамках ООНовской правозащитной парадигмы и повестки.

При **поверхностном** рассмотрении в России просто отсутствуют массовые гражданские практики самозащиты «прав человека», практики низового принуждения к их соблюдению. Объем практической деятельности под лозунгом «защиты прав человека» в нашей стране явно уступает объему правозащитной риторики. Среднестатистический российский гражданин, ставя вопрос о соблюдении своих «прав человека», что бы он под ними ни понимал, очень редко прибегает к их практической защите и, как правило, ограничивается сигнализирующей позицией гражданского негодования. Еще более редки **солидарные** действия в защиту «прав человека». Реальная практика того, что в российских СМИ называют «защитой прав человека», у нас на 90% связана с деятельностью немногочисленных специализированных общественных организаций, да и тем приходится специально стимулировать спрос на свои услуги.

И это при том, что в последние 2-3 года неполитические гражданские протестные действия в России демонстрируют явную тенденцию к росту, к большей организованности и последовательности. Более того, если копаться в мотивах и причинах многих гражданских протестных инициатив, мы обнаружим порыв граждан к защите своего **ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДОСТОИНСТВА ОТ УНИЖЕНИЙ И ПРОИЗВОЛА ТОЙ ИЛИ ИНОЙ ВЛАСТИ**. Однако ни организаторы, ни наблюдатели, как правило, не называют эти инициативы действиями в защиту прав человека.

8.

РОССИЙСКОЕ ПРАВООЗАЩИТНОЕ СООБЩЕСТВО ПЕРЕЖИВАЕТ СИСТЕМНЫЙ КРИЗИС. Это утверждение стало уже общим местом в разговорах о «правах человека» в России. Речь, естественно, идет о кризисе в среде «профессиональных правозащитников», тех, кто считает защиту «прав человека» своей профессией, миссией, делом жизни, о тех, кто связал свою жизнь со специализированными правозащитными организациями.

Сам кризис обсуждался не раз и многими. Однако совершенно не обсуждаются его общественные последствия. А в России тем временем сложилась парадоксальная ситуация: **к «правозащитникам» у нас относятся хуже, чем к «правам человека»**. Точнее, к «правам человека» широкая публика, естественно, относится хорошо, а к «профессиональным правозащитникам» все с большим недоверием и раздражением, о чем

говорилось выше. В этом людском отношении, конечно, много путанного, мифического, даже инспирированного, **но «правам человека» в России от этого не легче.**

Такое специальное отношение к «правозащитникам» отражается, например, в современном российском кино и литературе. Точнее, отражается, не отражаясь. Казалось бы, борьба с произволом власти, служение людям, эксклюзивность и экзотичность деятельности, в конечном счете, явная заявка на героизм – все это, при сегодняшней свободе в кино и литературе и дефиците новых героев, должно было обеспечить «правозащитникам» свое достойное место в мире художественных образов. Но персонажей-правозащитников почти нет в этом мире, а если изредка и появляются, то в канве явно негативного сюжетного промелька, эпизодика с кривой усмешкой автора. Тонкие души творцов чувствуют, что что-то в этом «гуманитарном шуме» не так: нет тепла жизни, нет правды больших человеколюбивых страстей – и проходят мимо.

Так или иначе, «правозащитники» не самые уважаемые люди в нашей стране, и уж точно не «герои нашего времени», и это притом, что в основе «правозащитности» всегда лежало миссионерство, подвижничество.

Так не раз бывало в истории церкви и религий. Служители культа, становясь рабами непосильно высокой миссии, не справлялись с ней. Общество не прощало жрецам, священникам, попам обычных человеческих слабостей, мирской суеты по поводу власти и денег. Соответствие облика служителей культа высоте их помыслов всегда было на строгом контроле в народе. Служители Высокого должны быть «выше среднего» или, по крайней мере, должны уметь скрывать свою «обычночеловечность» в величии своих обрядов, что так хорошо получается в развитых древних культурах. Если носители высших смыслов не демонстрировали «больших поступков» или «большого стиля» простые смертные отворачивались от них: кто с презрением, кто с раздражением, кто с безразличием. Иногда это сказывалось на самой религии, вере, иногда – не очень. Не раз религия очищалась от компромата всплеском фундаментализма.

Современный кризис профессионального правозащитного сообщества в значительной мере был предопределен особенностями его формирования – некоторая искусственность и общественная неадекватность правозащитных новообразований первой половины 90-х годов. Слишком сильным был «субъективный фактор» в лице наших диссидентов, пострадавших и заслуживших миссию на поверхности жизни, и их искренних соратников из западных гуманитарных организаций. В итоге получилось так, что у правозащитных организаций, созданных совместными усилиями тех и других в 90-х годах, отсутствовала своего рода «гражданская легитимность» в виде массового общественного спроса на правозащитную деятельность западного типа (юридизация правозащиты, акцент на защите прав маргинальных меньшинств, опора на международные институты, воинственная толерантность и т.д.). Спрос на такую правозащиту отсутствовал или был зачаточным. Не содействовал «гражданской легитимности» постсоветской правозащиты и воинственный либерализм лидеров правозащитного сообщества, их связь с «без вины виноватыми»,

«демократами», с вульгарной ельцинской демократией.

Несовпадение правозащитников с населением становилось все более заметным. Настолько заметным, что в 1996-1997 годах правозащитники массово «пошли в народ», в «социалку», что по-своему было верно, если бы дозировалось правозащитной миссией, жестко сопрягалось с гуманитарным (несоциальным) смыслом прав человека. Однако такая коррекция была слишком тонким механизмом для молодого правозащитного сообщества. В итоге, усилиями, прежде всего, провинциальных организаций борьба с государством за человеческое достоинство и свободу личности незаметно подменялась борьбой с государством за социальную справедливость. «Обретая корни», массовая, низовая правозащита стремительно превращалась в «левозащиту», в апологета новой «классовой борьбы», где главными эксплуататорами становятся государство и олигархи.

Сегодня мы наблюдаем ценностное расслоение, своего рода «кентавризацию» традиционной российской правозащиты. На публичной поверхности и впереди сообщества – «ООНовская повестка дня» (Чечня, Ходорковский, «ученые-шпионы», произвол ФСБ, пытки заключенных), а в глубине и сзади – глухая российская соцзащита (льготы ветеранов, плата за жилье, выплата пособий). Представители обоих слоев-половин российской правозащиты являются членами одних и тех же правозащитных организаций, сетей. Нередко один и тот же человек, в зависимости от ситуации, играет то одну роль, то другую. Что это: тактическая изощренность или стратегическая слабость – дело вкуса и точки зрения.

Имеет смысл упомянуть и еще об одном обстоятельстве, обусловившем многие особенности российской «профессиональной правозащиты». **В постсоветской России профессиональная правозащитная деятельность стала безопасной.** Надрывное ожидание и хэппенинги репрессий (вроде административного задержания на несколько дней Льва Пономарева), подмена понятий (что только репрессиями не называют), навязывание роли «правозащитника» реальным, но правозащитно не мотивированным жертвам режима в лице «ученых-шпионов», молодых радикалов и опальных олигархов – никого обмануть не могут. Факт остается фактом: деятельность самих профессиональных правозащитников в России – политически безопасна. Даже самая жесткая критика режима за нарушения прав человека не влечет за собой каких бы то ни было репрессий⁸ со стороны режима – что замечательно. Однако это обстоятельство кардинально изменило и кадровый состав правозащитников, качество человеческого материала и саму правозащитную деятельность. Грешно об этом говорить, но государственные репрессии в советское время обеспечивали своего рода «естественный отбор» в среде диссидентов и, что не менее важно, придавали особую цену и обеспечивали выверенность каждому правозащитному слову, каждому обвинению в адрес режима. Репрессии «страховали» диссидентов от безответственности, поверхностности, легкомыслия. С перестройкой все изменилось до «наоборот». Казалось бы, отсутствие «естественного отбора» должно было привести к ужесточению внутренних корпоративных ограничений на «входе» в правозащитное сообщество. Однако этого не произошло.

⁸ Речь идет именно о репрессиях, т.е. о карательных мерах государственных органов, направленных на физическое или социальное устранение противников режима.

Отсутствие в стране массового спроса на «ООНовскую правозащиту» и, соответственно, незначительный приток в сообщество новых людей не позволяли лидерам быть особенно разборчивыми при подборе соратников. Однако, возможно, в ближайшие годы вновь возрастет влияние внешнего фактора в лице стремительно формирующегося в России «темного гражданского общества» – праворадикальных организаций и субкультур.

9.

РОССИЙСКОЕ ПРАВОЗАЩИТНОЕ СООБЩЕСТВО ПЕРЕЖИВАЕТ НЕ ТОЛЬКО КРИЗИС, А НЕКУЮ «СМЕНУ ВЕХ», стихийное обновленчество, обрушившееся на «профессиональных правозащитников» сверху, снизу, сбоку и даже изнутри, через собственных оппортунистов.

С одной стороны, «профессиональные правозащитники» и правозащитные организации явно теряют почву под ногами, как-то рассыпаются в новой жизни. Одновременно и явно вовремя на правозащитное поле выходят новые, не привычные для него игроки. Не важно, что они делают на этом поле, важно, что они считают его значимым для достижения своих целей. Свои «правозащитные проекты» сегодня имеют и православная церковь,⁹ и «Единая Россия», и останки «демократических» партий и Генеральная прокуратура с МВД и Минюстом. Смело «самопереводятся» в «правозащиту» и многие социально-защитные организации и «перераспределительные» инициативы. Но главное – на поле защиты человеческого достоинства и свободы от произвола власти стали выходить и «просто люди», не связанные ни с какими «структурами», не замеченные ранее ни в чем «идейном». Речь об уже упомянутых низовых, неформальных гражданских инициативах с явно правозащитным содержанием, но при отсутствии или периферийности правозащитной риторики. Защищая свою свободу и достоинство в тяжбах с властями, новые российские обыватели естественным образом забредают на правозащитное поле, не ведая об этом.

Что в итоге мы видим на поверхности российской жизни? «Права человека» в России популярны, но не понятны; признаваемы, но не соблюдаемы; обсуждаемы, но не защищаемы. Слова есть, норм нет. На поверхности – бред¹⁰.

⁹ Именно православные иерархи, озабочась правами человека, публично стали настаивать на первичности человеческого достоинства в парадигме прав человека и, соответственно, о ценностной ограниченности формальной свободы и юридических прав. Жаль, что эту важную акцентуацию прав человека в российское публичное пространство внесли церковники, а не правозащитники, хотя внутри российского правозащитного сообщества голоса о необходимости такого подхода раздаются последние 6-8 лет.

¹⁰ Гипотезы о прошлом, настоящем и будущем прав человека в России смотрите во второй части статьи в следующем выпуске Альманаха.

«ООНОВСКИЙ ПРОЕКТ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА» - ЗАЧЕМ ОН?

Права человека, изложенные во Всеобщей декларации прав человека, всего лишь идеологический и политический проект, предложенный миру европейской цивилизацией. Красивый проект, высокий проект, но проект.

ООНовская Всеобщая декларация прав человека и производные от нее международные конвенции основываются на антропологическом универсализме, представлении о всеобщности прав человека – у всех людей во всем мире одинаковый набор одинаковых прав человека. В то время, как социально-экономические и политические реалии XX века, в том числе и в западных странах, доказали, что либеральное равенство в правах - такая же утопия, как социалистическое имущественное равенство. Другое дело, что либерализм, социализм, а с ними вместе и фашизм продемонстрировали миру, на что способен утопический проект, поддержанный государством. Великие идеологические проекты XX века предстали как эффективнейшие инструменты выхода из системных национальных и цивилизационных кризисов. Они не достигли своих великих целей, но придали людям энергии, стимулировали преобразования, на тот или иной срок обеспечили социальную стабильность, ввели в государственную политику «проектную культуру». Социалистический, либеральный и фашистский идеологические проекты подняли знамя духовной эволюции из рук деградировавших религий. Но утопии не перестали быть утопиями. Наукообразность великих идеологий не сняла их утопической сути.

«ООНовская парадигма прав человека» стоит на либеральном фундаменте, хотя, конечно, имеет в себе и значительные социалистические вкрапления. Обычная история XX века. Либерализм и социализм – духовные однойцевые близнецы. Кровное модернизационное родство позволяло им на протяжении 200 лет обмениваться ценностями, «проектными находками», «спикерами». Вопреки Фукуяме, даже умерли они в один «исторический день». Социализм покинул мировую сцену не один, просто в отличие от не менее дряхлого либерализма, у него это шумнее и заметнее получилось.

Особенности «ООНовского («западного», «североатлантического») проекта прав человека»:

1. Привязанность прав человека к ООНовскому мироустройству. Нет ООН – нет ООНовских прав человека. В западной парадигме прав человека образца второй половины XX века ООН играет роль трансцендентного обоснования и источника прав человека. ООН с ее конвенциями, генеральными ассамблеями, гуманитарными миссиями так же величественна, непонятна, недоступна и «авторитетна» для

«простого человека», как Бог, Природа, «естественный закон» и прочие надчеловеческие источники предыдущих парадигм прав человека. ООН переживает глубочайший кризис – переживают кризис и ООНовские стандарты прав человека (раздвоение стандартов, публичный саботаж их исполнения, даже со стороны прежних апологетов).

2. Антропологический универсализм и проистекающий из него **ЭКСПАНСИОНИЗМ** ООНовской парадигмы прав человека. Любое провозглашенное ООН право человека по определению считается универсальным для всех представителей вида *Homo sapiens*. Что дает «всем людям доброй воли» полное моральное право требовать их соблюдения по всей планете. Еще никогда в истории человечества политики не имели такого добропорядочного повода вмешиваться в дела других стран. При этом у «мирового сообщества» всякий раз не доходят руки до предотвращения настоящих «правочеловечных» катастроф (достаточно вспомнить кампучийский и угандийский геноцид).
3. Юридизм (правовой позитивизм). Права человека в ООНовской парадигме – это, прежде всего, правовые нормы, нормы позитивного права. Есть законы о правах человека – есть права человека. Нет законов – нет прав человека. ООНовская гуманитарная бюрократия забыла об естественности прав человека. Ведь естественность прав человека опрокидывает идею универсальности.
4. Сверхполитизация ООНовских прав человека. Политики быстро оценили экспансионистский потенциал «универсальных прав человека». Гуманитарная концепция прав человека стала обоснованием многих политических доктрин, поводом для блокад, революций, интервенций.
5. Привязанность прав человека к государству. Негативное и позитивное огосударствление прав человека. Права человека и защищают человеческое достоинство только от государства, и реализуются только через государство (и через квазигосударственные институты самой ООН). Иных форм публичной власти, иных источников угрозы человеческому достоинству, иных инструментов обеспечения прав человека для «ООНовской парадигмы» не существует. В итоге отвечающее за права человека государство – апофеоз двойных стандартов.
6. Идеологическая привязанность ООНовской парадигмы прав человека к либерализму. В то время как либерально-социалистический способ объяснения общества с каждым днем теряет свою актуальность.

Общественная роль прав человека в конце XX – начале XXI века была политически гипертрофирована, извращена. Естественные общественные конвенции в защиту человеческого достоинства были переформатированы в политические доктрины, «приватизированы» международными бюрократическими институтами, опредмечены, отчуждены в «гуманитарных интервенциях» и «оранжевых революциях».

С этой точки зрения вполне уместен «южный» и «восточный» взгляд на «ООНовскую парадигму прав человека» как на последнюю и самую изощренную упаковку колониализма, способ через идеологию контролировать политику и экономику незападных стран.

Европейцы открыли для человечества «права человека», как открыли Америку, законы механики, эксплуатацию человека человеком и многое другое. Именно открыли, дали название тому, что уже было, но оставалось непознанным. Европейцы назвали «правами человека» некие безымянные до того специфические моральные нормы, особые традиции, «гуманитарные обычаи», которые естественным образом складывались в каждом человеческом сообществе с доисторических времен и в Старом, и Новом свете. Эти особые моральные нормы призваны были защищать человеческое достоинство личности от произвола и безответственного эгоизма власти. Нередко эти моральные нормы оставляли свои следы и в древних правовых системах: от Законов Хаммурапи и Римского права до уложений средневековых европейских городов. Благодаря европейцам эти естественно существующие в человеческих сообществах общественные конвенции в защиту человеческого достоинства стали предметом идеологического осмысления и политического проектирования. Благодаря английским философам, французским просветителям и американским революционерам эти специфические общественные конвенции стали называться «правами человека», превратились из социальной «вещи в себе» в предмет политики и идеологической борьбы. Европейцы объяснили себе и миру «права человека» в логике либерального взгляда на мир и представлений об естественном праве. В середине XX века, после ужасов Второй мировой войны, в рамках «ООНовского проекта» права человека были объявлены всечеловеческой гуманитарной идеологией и стали одной из идейных опор нового «глобалистского» мира.

Или все было не так. В XVII-XVIII веках в рамках модернизационного осмысления европейцами социальной действительности, в головах английских философов, французских просветителей и американских революционеров родился «идеологический проект», который постепенно обрел название «права человека». Смысл «правочеловечного проекта» - в идеологическом и правовом примирении сословий и классов, в смягчении социального неравенства через идею равенства в правах. Со временем «права человека» предстали либеральным гуманистическим ответом социализму и фашизму - идеологиям, черпавшим свою силу в социальной и этнической вражде, в естественной человеческой ксенофобии и социальном протесте. Уравняв в правах бедных и богатых, белых и цветных, «права человека» обеспечили послевоенному Западу социальный и расовый мир. На волне этого успеха в 70-е годы прошлого века «права человека» были включены в модернизационный и вестернизационный пакет, который Запад предложил Востоку и Югу как средство для решения их проблем.

Или так: в человеческих сообществах спокон веку существуют неформальные (моральные по своей сути) общественные конвенции в

защиту человеческого достоинства от произвола власти, но эти конвенции всегда защищали человеческое достоинство только «своих», всегда был кто-то «чужой», кто не попадал под действие этих конвенций (рабы, женщины, инородцы, иноверцы, безземельные и т.д., и т.п.). Но однажды появились «права **Человека**» и зафиксировали принципиально новое качество этих общественных конвенций. Поначалу это произошло в Европе с ее традициями веротерпимости и социальной толерантности. Именно в Европе впервые в человеческой истории, сначала в идеологии, а затем и на практике, моральные и юридические права, защищающие человеческое достоинство личности, были распространены абсолютно на всех представителей вида Homo sapiens: мужчин и женщин, бедных и богатых, белых и цветных. Впервые в истории человечества, именно в Североатлантическом мире, исчезло разделение людей на свободных и лично зависимых (рабов, крепостных и т.п.). И если предположить, что Западный мир действительно является авангардом человечества в том лишь смысле, что он первым проходит те ступени цивилизационного развития, которые потом проходит все остальное человечество, то это означает, что «права Человека» рано или поздно приведут все человечество к реальному равенству всех людей в правах независимо от «от расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного, сословного или иного положения». Нужно лишь содействовать этому процессу через подвижничество «людей доброй воли», через поощряющую универсальные права человека деятельность международных гуманитарных институтов и национальных демократических правительств.

Или еще так: «права человека» продолжают собой величественный ряд утопических европейских идеологем, призванных вселить в мир надежду. В «либеральной утопии» права человека исполняют ту же функцию, что и общественная собственность в «социалистической утопии» - функцию обеспечения всеобщего равенства как универсального ключа к дверям в справедливость. В «социалистическом проекте» общественная собственность призвана была обеспечить имущественное и социальное равенство людей и тем самым ликвидировать главное социальное зло: эксплуатацию человека человеком. В «либеральном проекте» права человека и верховенство закона призваны были обеспечить всеобщее равенство в правах и тем самым избавить людей от произвола власти и несправедливости, вызванной дискриминацией, неравным правовым статусом различных социальных групп. Однако **реального** равенства ни в правах, ни в имуществе, ни в одной стране мира так и не случилось. В XX веке и общественная собственность, и права человека действительно продемонстрировали миру свою эффективность как **стабилизационные инструменты**, но, естественно, не сняли базовых социальных противоречий, не сделали мир справедливее, а жизнь людей - счастливее, правда, сделали мир и жизнь сложнее и современнее.

Или даже так: западные элиты продвигают права человека как наиболее выгодную для себя идеологию социального протеста, призванную вытеснить с идеологического поля слишком конфликтные левые протестные проекты (неслучайно идейные левые презирают права человека и правозащитников). Правозащитная активность западных политических элит - это глобальный отвлекающий маневр постиндустриальных эксплуататоров.

Права человека индивидуальны, они направляют естественное человеческое недовольство произволом в русло правового преследования конкретного «произвольщика». Сохраняя пафос борьбы за справедливость, права человека не ставят вопрос о власти как таковой, не посягают на естественное социально-экономическое неравенство. Права человека не посягают на собственность и власть элит. Не говоря уже об упомянутой реинкарнации колониализма в упаковке обязательных к исполнению политических стандартов прав человека, когда, например, даже простое сомнение в соблюдении избирательных прав становится универсальной отмычкой к власти в любой стране с неустойчивой политической системой.

Существуют ли права человека среди людей **сами по себе**, без ООН, без североатлантического цивилизационного нажима? Есть ли в правах человека **естественное** начало? Права человека – это **только** правовые нормы в декларациях, конвенциях и конституциях или права человека – это нечто большее, чем «воля законодателя»? Права человека – это европейский подарок миру или исконный человеческий способ **морального** обуздания разрушительной активности доминантных особей? Политическая мода на права человека в последние 50 лет – это то, что **усиливает** людскую активность в защите человеческого достоинства личности от произвола и безответственности власти или то, что **создает** эту активность? Права человека – это продукт **либерального осмысления** человеческих отношений или **конвенциональное творчество** масс в защиту человеческого достоинства?

Судьба самих прав человека от ответов на эти вопросы, конечно, не зависит. От ответов на эти вопросы зависит судьба конкретных людей, считающих своим долгом защищать права человека. Ответами на эти вопросы определяется эффективность их деятельности.